

Елена РОДЧЕНКОВА

г. Санкт-Петербург

КРЕПКА КИТАЙСКАЯ СТЕНА

(Воспоминания о В. Т. Распутине)

Самолет наш приземлился в Пекине рано утром. Я не спала в нём ни минуты, разглядывая в иллюминатор красавицу землю. Уже в два часа ночи по московскому времени по правому борту взошло солнце, а по левому таинственно замерцала пустыня Гоби. К моменту приземления существую уже вне времени и пространства – все как во сне. Играет роль разница во времени – 4 часа.

Идем по Летней резиденции императора. Мелкие торговцы предлагают купить разные сувениры. Нам нравится, как они торгуются. Торговля в Китае – это игра, искусство, развлечение и зрелище для любопытных. Покупаем яркие, ненужные в общем-то зонтики, дурной пример заразителен, купили почти все. Раскрываем, идем такой цветочно-грибной группой и вдруг видим: на нашей каменной (или мраморной) дорожке впереди стоит китаец, рядом с ним – ведро с водой. Он макает в воду огромную, как швабра, кисть и пишет на мраморе красивые иероглифы. Наш переводчик Ван Цон Ху (Андрей) внимательно читает и начинает переводить. Обступив пишущего, мы ждем продолжения текста. Китаец сосредоточен и деловит, будто он красит забор, а не пишет стихи. Потoki людей обходят его со всех сторон и не смеют ступить на дорожку. Он пишет, а они на глазах исчезают – высыхают на солнце. А он опять пишет, Андрей переводит. Это стихи.

Может быть, слово, прилетевшее с небес к поэту, остается жить на этой земле на века. Но иногда оно скучает по небу и взлетает к облакам то в звуках песни, то с дымом сгоревшего текста, а то и вот так – вместе с капельками испаряющейся воды. Знаки тают, воспаряют от земли, но потом снова и снова возвращаются – через голос поющего ребенка, через руку писателя, через кисть этого китайца, рисующего на бесконечной дорожке нескончаемые водные иероглифы. И ни один человек не смеет ступить ногой на эту ставшую в один миг неприкосновенной дорожку.

Делюсь мыслями с Андреем – мы с ним сдружились – он удивляется: никогда не придавал особого значения этой привычной для глаза картине. Говорит: «Важно не только тонко сделать, но и тонко оценить тонкость сделанного».

Валентин Григорьевич внимательно следил за действиями китайца с кистью и прислушивался к нашему разговору. Потом заметил: «Работа у него такая. Ежедневная».

* * *

Иероглифы – самое большое чудо, которое я увидела в Китае. Что касается языка, то официальный китайский язык – «мандарин». Существ-

вуют также кантонский, шанхайский и другие диалекты, а также языки национальных меньшинств. Диалекты очень сложны, и часто бывает так, что китайцы, живущие на расстоянии 200 км, не могут понять друг друга. Но письменность в Китае единая. Она едва ли не самая старая в мире, трансформировалась из рисуночного письма, в котором слово обозначалось несколькими мазками кисточки. При этом «лошадь» была похожа на лошадь, а «солнце» – на солнце. Если приглядеться, то и сейчас во многих китайских иероглифах можно увидеть пиктограммы, от которых они произошли.

Иероглиф «рис» похож на растение с тремя корешками, «вода» – три капли, одна из которых длинная, как летящая к земле дождевка. Иероглиф «луна» напоминает месяц с точкой внутри. Он трансформировался с годами, и его макушка стала теперь не острой, а усеченной и напоминает нашу букву «П». Иероглиф «человек» – это просто «палка, палка, огуречик», только без головы. Сочетание простых иероглифов образует сложные иероглифы, обозначающие качества или понятия. Иероглиф «солнце» и «луна» означает понятие «яркость». Кстати, «солнце» раньше обозначалось как круг с точкой, а теперь – квадрат с крестом. Интересно, почему он так трансформировался?

А вот, к примеру, накрытый «крышечкой» сверху иероглиф «свинья» означает «семья». Почему так – непонятно. Но можно предположить... Я просто заболела китайским языком, хотя выучить его уже не берусь.

Никто точно не знает, сколько существует иероглифов, может быть, больше 50000. Чтобы читать китайские газеты, нужно знать не менее 7000. Раньше иероглифы писали столбцами и читали сверху вниз, справа налево. В годы Культурной революции письменность «завалили набок», и теперь китайцы читают, как европейцы – слева направо. Кажется, при этом ушла изюминка, но ворота языка все равно остались на замке. С таким языком, проникнуть в который Западу не по силам, нации практически невозможно потерять свою индивидуальность.

Не узнав языка – не поймешь народ, не поймешь народ – не завоеешь страну, не завоеешь страну – не уничтожишь язык и так далее. Ленивые европейцы не выучат китайский. И не смогут вставить в рисунки свои «океи» и «макдоналдсы». Поэтому английский в Китае живет параллельно, не пересекаясь с китайским. Нам в этом смысле повезло меньше. В наш язык английский впился всеми щупальцами разрастающейся мерзкой опухоли.

Уровень грамотности в Китае высокий, несмотря на сложность в изучении языка. Китайцы любят даже украшать помещения образцами кал-

лиграфии. Каллиграфия считается видом искусства, так же, как живопись. Существует даже Союз каллиграфов, так же, как и Союз писателей Китая. О каллиграфе-авторе китайцы рассуждают так же, как мы о Врубеле или Серове.

Что касается живописи, то китайцы в этом плане консервативны. Если у нас принято «ценить» оригинальность, необычность, непредсказуемость, вычурность, то китайские художники из века в век, следуя наставлениям Конфуция, воспроизводят образцы прошлого. Ученик пишет так же, как писал его учитель, не меняя сюжетов, сохраняя технику письма. Хотя иногда встречаются и шедевры современности – китайцы не хотят отставать от забежавшего в неизвестном направлении Запада и также развивают творческую инициативу. Новый лозунг Китая: «Мысли свободно, двигайся в ногу со временем».

* * *

Всего предстояло посетить семь городов. Прилетели в Харбин – город с еле-еле слышимым эхом русского языка. Я бы даже сказала, что это город с русским акцентом. Возложили цветы к памятнику русским солдатам-победителям, установленному в 1945 году и прекрасно сохранившемуся, посетили памятник Пушкину, напелись русских песен с харбинскими русистами. Вечером, гуляя по улицам, наткнулись на бронзовую скульптуру: русский мужик играет на гармошке, а девушка пританцовывает рядом. Мы назвали их Кузьмой и Дусей и ненадолго составили компанию, выпив рядом на лавочке китайской водки. И немного заскучили по дому, хотя впереди были Нанкин, Ханджоу, Шанхай...

В Харбине есть православные храмы. Конечно, недействующие. К сожалению, православие в Китае является официально неразрешенной религией. Не запрещена, но и не разрешена. Существующие религии – даосизм, конфуцианство, буддизм. Разрешенные – мусульманство, католичество, протестантство.

Конфуцианство – религия, основанная на идее «небесного мандата», который дарует Небо мудрым правителям. Зародилось при династии Чжоу. Представление о небесной природе власти, когда Император считается Сыном Неба, было живо в Китае вплоть до смерти Мао Цзедуна. Теперь это представление потеряно за отсутствием Сына Неба. Так же, как у нас, с потерей Царя русского, Помазанника Божия, мы остались с потерей.

Вообще, китайцы не вполне уверены, что они смертны. Этико-философская система Конфуция заложила в них эту неуверенность. Высшими ценностями считаются образование, предан-

ность семье и законопослушание. Многие китайцы полагают, что это учение безнадежно устарело, однако можно встретить активное обсуждение судебного решения, в котором чиновника или другого представителя власти привлекла к ответственности возмущенная простая сельянка. Многие считают, что основы учения Конфуция воспитали в народе такие качества, как вежливость, справедливость, терпение, честность, что помогло сохранить нацию и государство.

Учение – легизм – менее оптимистично смотрит на натуру человека и полагает, что человек изначально греховен и только строгий и беспощадный закон способен заставить его жить в обществе. В Китае предусмотрена и довольно часто применяется как мера наказания публичная смертная казнь, в том числе за взяточничество чиновников и за коррупцию в органах власти.

Некоторая часть китайцев исповедует даосизм (учение Лао-Цзы) – радостную и беспечную религию, согласно основным постулатам которой справедливость вытекает из гармонии с миром вокруг нас. Иными словами – измени себя, и мир вокруг тебя изменится.

Есть также и последователи маоистского марксизма. Сегодня деятельность Мао китайцами оценивается больше как хорошая, чем как плохая, а «культурную революцию» они считают ошибкой Мао. Как часть нашего народа – режим Сталина и террор Ленина. Но портрет Мао украшает вход в Запретный город, а забальзамированное его тело лежит в Пекине в Мавзолее на огромной площади Тяньаньмынь. Правда, у нас тоже, охраняя историческую память, на Красной площади лежат останки Ленина, не преданные земле. Но если китайцы тщательно скрывают, что тело давно заменено восковой куклой, то мы махнули рукой.

* * *

Новый порядок в Китае стабилен, чувствуется радостное состояние народа, их гордость за страну. На улицах всех городов мы встречали танцующих среди бела дня людей. Можно подойти, взять веер, потанцевать с ними и идти себе дальше. На первый взгляд, все красиво. Но там, где красиво снаружи, обычные проблемы внутри.

Основная проблема Китая – густонаселенность. После провозглашения Китайской народной республики в 1921 году людей призвали рожать. «Чем больше китайцев, тем лучше». После смерти Мао Цзедунa внедрен лозунг «Одна семья – один ребенок». Этот лозунг государство поддерживает материально. Если рождается второй ребенок, семью

лишают многих льгот и выплат. В городе этот лозунг соблюдается населением, в селе – не всегда. При этом в Китае подрастает поколение «одиноких» детей, разбалованных вниманием родителей, не привыкших трудиться, пресыщенных высоким уровнем технологий, не знавших никаких проблем. Может быть, они станут золотым фондом счастливой нации? Но что-то настораживает в этом неестественном государственном контроле рождаемости. Когда ребенок один, он всегда говорит «дай» и ему некому сказать «на, возьми», не с кем делиться, из него вырастает эгоист и потребитель. Это опасно для китайской нации, и не только для нее. Поколение, не объединенное ни Великой Китайской стеной, ни великой идеей, ни национальной проблемой, ни единой религией, ни родственниками, ничем, кроме лозунга «Одна семья – один ребенок», уничтожит психологический корень великой клановой, семейственной нации, в которой порой жители целых деревень состояли в родстве и имели одну фамилию. Процесс разобщения людей разрушителен. Мы уже хорошо видим это и у себя по результатам уничтожения русской деревни.

* * *

Садимся в самолет. Мое место рядом с Валентином Распутиным. Напала тревога. Говорю ему: «Китайские летчики приземляются грубо, как мешки с картошкой. А наши – как ласточки». Самолет набирает скорость, я вцепляюсь пальцами в спинку соседнего кресла. Вообще-то, люблю летать, а тут нашло непонятно что. «Лена, не бойтесь, мы не разобьемся». – «Мне кажется, разобьемся...» – «Столько писателей сразу не может погибнуть. Только по одному. Большая делегация. И вообще, не относитесь серьезно к перелетам».

Великая Китайская стена. Говорят, что это единственное рукотворное сооружение на Земле, которое видно с Луны. Сама Стена достаточно узкая – метров 5, и по сравнению с нашими русскими кремлями – невысокая. Она ползет змейкой по гребешкам горных хребтов, обросших темно-зеленым лесом. Сложенная из белых камней и кирпича, во многих местах искусственно подсвеченная, она очень контрастна по отношению к окружающему фону. Но и без подсветки, представьте себе, как солнце и луна озаряют тонкую белую ниточку, проведенную по краю мощной череды горных хребтов, и тянется эта ниточка с запада на восток Китая 5000 километров!

Мы с писателем Александром Сегенем и нашим переводчиком Андреем отважились взобраться на вершину горы по Китайской стене. Оказалось, что

это непросто. Остальные члены делегации ждали нас внизу, считая героями. Ступени очень крутые, и это удивительно, будто построили их для длинноногих европейцев. Но по краю ступени стерты ногами многочисленных туристов, поэтому, держась за поручень, можно потихоньку подниматься. Необычны ощущения подъема: идешь, идешь и не чувствуешь усталости. Когда останавливаешься на площадке, то вдруг начинаешь тяжело дышать, сердце выпрыгивает, а ноги подкашиваются от слабости. А вокруг – необыкновенная красота! Далекие дали, горы, леса, облака, еле различимые вдаль участки Китайской стены... Улетаешь сердцем куда-то далеко за эти облака и горы, потом возвращаешься от какого-нибудь постороннего звука и вдруг понимаешь, что усталость исчезла.

Подняться-то мы поднялись, хоть и трудно далась гора, а вот спускаться было намного тяжелее. Такая восточная философия – подъем тяжел, но это путь вверх, к вершине, и если, останавливаясь, смотреть в небо, а не вниз, то усталость проходит и даются новые силы. Это радостно, это захватывает. А вот назад, вниз – это утомительно и неинтересно. И гораздо страшнее, чем вверх. Думается, зря мы говорим «катиться по наклонной». Думается, что это тяжелее и мучительнее, чем вверх, и нам только кажется, что катиться, падать – легко...

Внизу нас ждут свои. Мы с Сегенем стали героями дня, как будто покорили Эверест. Валентин Григорьевич вместе со всеми ожидавшими нас внизу – улыбается по-отечески, слушая наши восторженные речи. Он-то уже не раз «покорял» Стену, а мы чувствуем, что не зря родились на свет.

* * *

У китайцев совсем другой менталитет. Но у китайцев-русистов менталитет больше русский, чем китайский. У них очень тонкое чувство юмора и очень чуткий ум. Такое ощущение, что к каждому русскому слову они мгновенно выстраивают армию в 50000 иероглифов, с которыми производят необыкновенное взаимодействие. Однако китайский легкий как ветер юмор посажен в банку условностей, обычаев и традиций. У нас он более раскованный, если порой не распущенный.

Китаец никогда не будет шутить с женщиной так, как не хотел бы, чтобы шутили с его женой, не посмеет «подколоть» начальника, не станет «подтрунивать» над старшим. Некоторые вещи, которые нам кажутся смешными, их приводят в полное замешательство. Один русист рассказал мне, что как-то переводил длинную, замысловатую шутку гостя, а в конце перевода его вдруг осенило, что наружу может выскочить

второй и третий нехороший смысл этой шутки, а для гостя это будет нежелательным. Он мучился и так и сяк, а потом вынужден был сказать, спасая деловые отношения между фирмами, следующее: «Наш уважаемый гость пошутил. Это очень смешная шутка. Прощу вас, посмейтесь, пожалуйста».

Конечно, подобный перевод недопустим на официальных встречах и приемах, поэтому наш гениальный переводчик Андрей как губка впитывает каждое наше слово и всегда наблюдает за нами, словно снимая на камеру все наши движения. И это, кажется, помогает ему в работе. Он поочередно становится то тенью В.Г. Распутина, то отражением Л.И. Бородина, и я ловлю в его исполнении то медлительный поворот головы Валерия Николаевича Ганичева, то открытую улыбку Владимира Бондаренко, то он пригладит волосы, совсем как писатель Николай Лугинов, то ходит за Николаем Дорошенко молчаливым двойником...

Чтобы перевести слово человека на свой язык, надо стать немного этим человеком, а чем сложнее человек, тем тяжелее стать им хотя бы на время. Как удалось Андрею стать всеми нами – непостижимо! Я всегда наблюдала за ним, познавая через него его страну и народ. Вот Андрей разговаривает с Леонидом Бородиным – разговор, видимо, серьезный, судя по всему, философский, и со стороны это два одинаковых философа. Через несколько минут подходит с организационными вопросами Лариса Соловьева, и от Андрея-философа не осталось и следа. Он уже летит по холлу гостиницы к портье, видоизменяется на глазах, как поток воды, приобретая форму данного волей случая сосуда.

Мы так переключаться не умеем. Вернее, если постараться, то можно попробовать, но после третьего переключения может последовать взрыв, от которого не останется ни того, ни другого сосуда.

Китайцы очень терпеливая и доброжелательная нация, они вежливы и не мстительны, но память у них хорошая. Это нация со стальным стержнем внутри. Сталь умеет двигаться, гнуться и не ломаться. Ртутная, резиновая какая-то сталь внутри них. Они по-детски открыты, имеют обостренное чувство несправедливости. Но обидчивы, а если их обидеть – злы.

Русские и китайцы – две имперские, государствообразующие нации, на данном этапе жизни отличающиеся друг от друга как день и ночь, небо и земля, черное и белое, как две энергии – инь и янь – две очень взаимозависимые нации.

По вере китайцев, все мироздание состоит из двух противоположных, хотя и дополняющих друг

друга начал – инь и ян. Эти две полярные силы, достигнув своего максимума, могут переходить в свою противоположность, образуя бесконечный цикл. Инь соотносится с землей, луной, женщиной, холодом, темнотой. Ян – с небом, солнцем, мужчиной, теплом, светом.

Воплощением ян является один из символов Китая – дракон.

Инь и ян чередуются, день сменяется ночью, зима – летом. Эта двойственность мира изображается как круг, в который вписаны две фигуры, напоминающие запятые или головастики – черная и белая. В голове у головастика – точки противоположного цвета – в чистом виде ни мужское, ни женское начало не существует – каждое должно содержать в себе свою противоположность.

Так неприятна ночь без звезд, без светящихся окошек, день без теней, холод без очага, зной без освежающей воды, так неприятен мужчина, которому не присущи нежность и доброта, несовершенна женщина, которая в суровую минуту не может стать мужественной и решительной. «Глазки» в запятых маленькие. И в этом указание – смотри, не переборщи. Слишком женственный мужчина или слишком мужественная женщина не вписываются в фигуры гармоничного круга жизни, выпадают из очереди за счастьем.

Я попробовала к этому фундаменту приложить для постройки камушки. Если Китай / дракон, солнце, небо / – мужчина, то Россия / земля, холод, темнота / – женщина. В определенные времена – так, а потом – наоборот. Хотя вполне может быть и такое: Россия и Китай – два представителя мужской энергии, а старушка Европа и Америка – это два женских начала.

Интересно, что в двух наших странах по две столицы: в России – Москва / женщина, исходя из кольцевой, кругообразной пышной застройки и других факторов / и Санкт-Петербург – мужчина строгих, сдержанных форм и правил, молчаливый атлант, непобедимый воин.

В Китае – Пекин – чиновник, деловой, респектабельный человек, немного самовольный, горделивый, но без излишеств, и – Шанхай – умная, расчетливая женщина, взявшая в руки власть, не особо заглядывающая в прошлое и будущее, довольная собой, и вместо глаз у нее – две монетки... В соответствии с переменами, происходящими в странах, наступают то день страны, то ночь, то жар, то холод. Столица переезжает то из Москвы в Санкт-Петербург, то обратно. В чистом виде ни мужское, ни женское начало не существуют ни в малом, ни в большом.

Философствуем об этом с нашим переводчиком Андреем. Он любит вести со мной беседы,

когда мы ходим по музеям, едем в автобусе, притягивается, как железка к магниту. К середине поездки, сдружившись, начинаем брать щепетильные темы, спорим громко, заставляя всех членов делегации осторожно прислушиваться. Андрей после спора и ссоры садится в другой конец автобуса, потом потихоньку возвращается.

Гуляем по городу.

– Почему у вас драконы накрывают сверху лапой планету? Так и расплющить ее недолго.

– Потому что мы возьмем вот так, – показывая, растопырив пальцы, – и накроем, – с задиром отвечает он.

– А у нас Богородица держит планету на ладошке – бережно. Знаешь, что такое – держава?

– Знаю. А мы – накроем.

– Больно шустрые – накрывать... Не накрылись бы сами...

– На-до-е-ла...

– Потерпишь, твоя работа такая.

Мне тоже интересно знать, до какой степени можно его злить.

– Ты меня достала! За-дра-ла... у-па-хала... па-ра-зит-ка...

– А ты маленький и некрасивый... Где набрался таких слов?! У Донцовой?

– У Сорокина. Я умный.

– Умный, уважающий себя переводчик не должен употреблять дурные слова.

– Почему они дурные?! – искренне удивляется Андрей, забыв про то, что осерчал.

Валентин Григорьевич, идущий впереди, приостанавливается, улыбается:

– Андрей, вы просили меня вчера пояснить, чем грозит процесс маргинализации русской литературы. Вот вам конкретный пример, какие плоды приносит труд маргиналов. Вы почти что сквернословите.

Андрей вытягивается в струнку – он боготворит Распутина и не дыша идет рядом с ним, внимательно впитывая каждое слово.

Слышу:

– У вас есть замечательный шанс: поймете Лену – поймете и Россию.

* * *

Совершаем очередной перелет, проходим таможенный контроль. По ошибке не сдали в багаж несколько бутылок русской водки, которые везли вместе с черным русским хлебушком из Москвы в наше посольство. Оставили эти злополучные бутылки в ручной клади. Подходя к контролю, поняли, что их отберут. Складываем в сум-

ку Валентину Григорьевичу: «Вас знают, у вас не отнимут». Проходим контроль – водку, конечно, изъяли, несмотря на все наши уговоры на английском. Бутылки таможенники поставили на столик в углу помещения, вдали от пассажиров.

Валентин Григорьевич снял ботинки, ремень, все сложил на конвейер, прошел контроль, стал обуваться на той стороне. Мы еще на этой. Смотрим: он берет с конвейера свою полупустую дерматиновую сумку, подходит к столику с бутылками и прямо под носом у китайских контролеров начинает медленно и уверенно складывать эти бутылки обратно в сумку. Один китаец что-то воскликнул, второй замер, третий вовсе онемел. Так они и простояли в почетном карауле рядом с нашим гением, почему-то не посмев помешать ему. Мы тоже, кстати, оторопели. Пройдя контроль, догнали его, волокущего тяжеленную водочную поклажу на плече. Все галдят: «Как смело! Как же вы так не побоялись забрать водку, ведь она была конфискована!» Я позади еле иду, согнулась от хохота, пытаюсь сдержаться, чтобы расслышать ответ, но смех разобрал такой, что услышала только самый хвостик: «А разве нельзя было забрать?» Ведь Валентин Григорьевич не слушал разговор с таможенниками на английском.

* * *

В музее современной китайской литературы мы рассматривали настенную мозаику с изображениями персонажей героев литературных произведений китайских авторов. Экскурсовод искренне поясняет нам, мол, это такой-то герой такого-то автора, похожий на вашего Павла Корчагина, а этот – на таких-то героев М.Горького, а вот те персонажи похожи на героев таких-то русских авторов.

Теперь китайцы несколько растеряны по поводу положения дел в современной русской литературе. Они, кстати, не называют ее «российской», как у нас нынче принято. Однако понятие «современная русская литература» изменилось в их чутком восприятии, и героя, на которого можно было равняться при написании своего идеологически выстроенного литературного произведения, им теперь найти трудно. Им трудно, и нам трудно. В бурном, мутном потоке современной русскоязычной книгопродукции чего только нет, кроме героев.

Китайцы более 20 лет переводят В.Г. Распутину. На встрече со студентами Шанхайского университета студенты-русисты устроили настоящий праздничный концерт с русскими песнями и танцами, читали на русском и китайском стихи классиков, отрывки из прозы В.Г. Распутина.

Валентин Григорьевич – удивительный человек. Он почти всегда молчит, а когда выступает, говорит сложно, но очень мудро, красиво. Предложения его похожи на тонкие деревца с пышными кронами, в которых трудно пересчитать и перечислить все веточки и листики нашему переводчику Андрею. Смуглые щеки Андрея становятся пунцовыми, он переводит эмоционально, старательно, и картина получается необыкновенная: сдержанный, немного равнодушный голос Распутина и восторженный, энергичный, заряженный открывшимися с ходу неслыханными истинами перевод Андрея. Андрей отражает то, что скрывает за своим мудрым спокойствием Валентин Григорьевич.

* * *

Едем с Русского кладбища в Харбине. Нас обещали завезти на шелковую фабрику. Все под впечатлением посещения: русские имена и фамилии, человеческие судьбы – счастливые и несчастные, встреча с потомками русских (одну из могил убирали две старушки, мы долго разговаривали с ними на русском языке), закрытая православная часовня... На сердце и светло и очень тяжело одновременно...

Садимся в автобус. Все молчат. Трудно. Единственным лекарством может стать покупка шелковых кофточек и шарфов. Женщины никогда не отходят далеко от своего природного начала.

– Теперь мы едем на шелковую фабрику? – спрашиваю я одновременно всех и слышу от Валентина Григорьевича:

– Нет. Ни в коем случае.

Он сидит впереди меня. Я заглядываю через его плечо:

– Не едем?

– Нет, конечно. После кладбища как можно думать о мирском, о покупках и развлечениях?

– Почему же о мирском? – забеспокоилась я. Находясь в центре Великого Шелкового пути, по которому тысячи лет бесчисленные караваны верблюдов везли тоннами шелка в Европу, ездить по кладбищам мимо шелковой фабрики – не в шелках... – Эта поездка была запланирована!

– Не положено, – не соглашается Валентин Григорьевич. – Обычай у нас такой, Лена.

Никто не спорит. Распутин – классик. Я с 8-го класса писала сочинения по его произведениям. Начинаю доказывать, но Валентин Григорьевич неумолим. Нет, и все.

– А тогда не пойдём и на банкет! Зачем мы будем на банкетах думать о мирском? – И слезы навернулись все же на глаза.

Валентин Григорьевич понял, что я ослабла духом в этой трудной поездке, оборачивается через плечо и шепчет заговорщицки:

– Лена, я валяю дурака...

* * *

Китайцы ищут героя. Они не могут жить без героев. У них в крови – бороться и искать, найти и не сдаваться. А когда все достигнуто, все сыты-одеты-обуты, все спокойно и хорошо – их это тревожит. Пресыщенные и довольные собой люди в герои не годятся. Здесь нужен человек-боец, побеждающий трудности не для своего кармана, а для народа, созидатель, строящий вопреки чему-то, во имя страны, а не для себя лично. Китайцы – доверчивые идеалисты. Поиск героев продолжается. Это замечательно.

А мы эти поиски, кажется, приостановили, потому что у нас каждый выживший, сумевший сохранить свою честь современник – уже герой. И героизм его – в победе над собой, над своими собственными соблазнами и грехами. Чтобы победить врага, надо хорошо его знать. Как может знать своих врагов атеист? Мы учимся героизму у Христа и всех святых, ищем отражение этих качеств в людях на земле, и если находим, то считаем этих людей героями. Другое дело – писать о них или не писать?

Если не писать о героях, то другие будут писать о грешниках.

В Небесном Китае тоже есть герои. Их семь. Православная церковь канонизировала 7 мучеников-китайцев, среди которых есть маленький мальчик.

Китайцы ищут героя на земле. Ищут идею. Да ведь и мы тоже ищем то, что давно нашли.

P.S.

Конечно же, мы говорили с ним и о важном.

Последняя наша встреча была мимолетной – в здании Союза писателей на Комсомольском проспекте в Москве. Я дала ему газету «День литературы» с моей публицистической статьей, он сказал, что уже читал, но взял и положил в ту самую дерматиновую сумку, что путешествовала на его плече по Китаю.

– Я все ваше читаю, что попадается на глаза, Лена.

– И как вам – в целом?

– Время покажет. Избегайте этих тусовок. Раз в год появилась и – бегом домой.

– Жестко...

– По-другому еще жестче. Я-то уж домучаюсь здесь, дотерплю. Недолго осталось терпеть...

– Рано, может, еще...

– Не рано.

□

Елена Алексеевна РОДЧЕНКОВА –
поэт, прозаик, публицист.

Родилась в г. Новоржеве Псковской обл.

Публиковалась в журналах «Наш современник», «Нева», «Москва», «Дальний Восток», «Енисейский литератор», «Всерусский собор», «Невский альманах» и мн. др.

Автор 21 книги, среди которых сборники стихов «Стихия» (1997), «Росы» (1999), «Славянские ключи» (2000), «Молчание – золото» (2011), сборники рассказов «Святой колодец» (2000), «Живые души» (2011), «Когда вырастет на камушке цветочек голубой» (2012), сборники стихов для детей «Кто поможет двум шмелям?» (2011), «Улыбнись немножко» (2011), «Мне уже почти пять лет» (2011).

Лауреат многочисленных литературных премий.

Автор гимнов г. Валдая и г. Новоржева.

Ее произведения переведены на китайский, арабский, немецкий языки.

Член Союза писателей России с 1997 г.

Живет в Санкт-Петербурге.

